

Е. БЛАВАТСКАЯ

ЗАГЛАВНЫЕ
ПРЕМЕНА
ИЛИ
ГОЛУБЫХ
ГОРЯХ
~
ДУРЬЯР
К
ДУХОРЪ

Елена Блаватская
Дурбар в Лахоре

«Public Domain»

1856

Блаватская Е. П.

Дурбар в Лахоре / Е. П. Блаватская — «Public Domain», 1856

Елена Блаватская родилась в семье выходца из Германии. Много путешествовала по Европе и Азии, бывала в США. По ее собственным словам, семь лет провела в Тибете, где получила посвящение в оккультные мистерии. В 1873 году переехала в Нью-Йорк и два года спустя основала Теософское общество. Вскоре в обществе начался внутренний разлад, и Блаватская уехала в Индию, где продолжала заниматься теософией. Основные работы Блаватской – «Разоблаченная Исида» (1877) и «Тайная доктрина» (1888). Произведение входит в состав сборника «Загадочные племена на Голубых Горах. Дурбар в Лахоре».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Елена Блаватская Дурбар¹ в Лахоре (Из дневника русской)

Глава 1

Через Симлинские холмы в Кальку и Умбалу. – Санитарииумы Индии и чайная плантация индийского Цинциннати. – Сады Пинджора, Магараджи Путтиальского. – Колесницы-пытки. – Калька и счастливое семейство скорпионов. – Амритса и ее разнохарактерные народности.

Получив в Симле не то приглашение, не то благосклонное разрешение властей присутствовать на имевшем быть от 9 до 16 ноября 1880 года вице-королевском *дурбаре*, мы решились отправиться заранее в Лахор.

С 1864 года, когда состоялся дурбар, назначенный лордом (в те дни еще сэром) Джоном Лауренсом, известным в политическом мире своею «художественною политикой бездействия», по ироническому выражению ториев, которой теперь строго предписано держаться и новому вице-королю, маркизу Рипону – не было затем дурбара в Лахоре. Устроенный для формального представления вице-королю, еще мало привыкших с 1849 года к британскому господству и слишком часто о нем забывающих пенджабских властелинов, раджей и науабов,² со включением вечно подозреваемого в русской интриге магараджи Кашмирского, предстоящий дурбар обещал быть великолепным. К тому же нам хотелось побывать и на годовом празднике девалли в Амритсе, древнем гнезде сикхов...

Праздник *девалли* в буквальном переводе вышел бы праздником «Всех Святых», la Toussaint, или, точнее, «всех богов», так как *дева*, – божество, а не простой святой. Это самый высокаторжественный праздник в стране.

В ночь на девалли тратятся огромные суммы, заготавливаемые браминами в продолжение целого года; а муниципалитеты ассигнуют на торжество лаки³ рупий. Все города, села, деревушки, даже дороги освещаются мириадами плошек, факелов и разноцветных фонарей в честь 333 миллионов национальных богов... Но Амритса, гнездо сикхизма,⁴ великолепием своего освещения, дорогими фейерверками, а главное, прелестью своего залитого огнями Золотого Храма, отражающегося, как в чистом зеркале, в окружающем его озере, и другими затеями, – далеко оставляет за собой все прочие города Индии. На эту ночь съезжаются со всех концов страны под охраной своих британских дядек, политических резидентов, когда-то грозные potentаты Индии, как большие, так и малые. Европейцы же наводняют гостиницы, и, заняв лучшие места на иллюминации, великодушно позволяют туземным принцам стоять за спинками своих стульев. Правда, сикхи – строгие монотеисты. Но с 1489 года (год их отступничества от политеизма) они, видно, еще не успели до сей поры решить, который из 333 миллионов

---

² Пишется – pawab, а выговаривается «науаб»; слово, почему-то переделанное в Европе в набоб.

³ Лак – сто тысяч рупий.

⁴ *Амритса*, или *Амритсар* – укрепленный город Пенджаба, в полуторачасовой езде от Лахора, столицы Рунжит Синга, знаменитого в истории под именем Льва Пенджабского. Из незначительной деревушки Амритса, благодаря Золотому Храму на озере *Бессмертия*, построенному Рам Дасом, 4-м *Гуру* (духовным наставником) сикхов в 1581 году, храму, привлекающему пилигримов сотнями тысяч – сделался цветущим богатым городом. Здесь ткуются и продаются лучшие шали Индии, успешно соперничая в этом с Кашмиром и ведя оживленную торговлю козьим пухом с Бухарой.

божеств индийского пантеона есть именно их единый бог, проповедуемый Панакой;⁵ поэтому они пока и продолжают чествовать одинаково всех богов. Осторожность никогда не мешает.

Решась по дороге в Лахор принять горячее приглашение наших друзей и союзников ариев⁶ и погостить у них в Амритсе, мы назначили днем нашего выезда из Симлы 21 октября, заблаговременно отправив наши вещи в долину с обычными выючными животными Индии, кули. О народной нищете можно судить по ценам, запрашиваемым кули за перевозку тяжелых сундуков и багажа от Симлы до Кальки, т. е. 114 миль в два конца. Кто в России поверит, что мы наняли 12 человек, по два на тяжелый сундук, за десять рупий! Где в мире можно найти столь бедного рабочего, чтобы он согласился нести пешком с одной крутизны на другую сундук в несколько пудов, за 57 миль, и, вернувшись обратно, получить за это два шиллинга.

Итак, беспристрастно разделив при прощании искреннее сожаление между нашими добрыми друзьями англичанами и чудною прохладой диодоровых⁷ и сосновых лесов, мы пригостились рано утром 21 октября в путь. Вследствие узких, чрезвычайно извилистых дорог, вернее, тропинок вдоль по карнизу несметных холмов и частых обвалов, в Симле запрещено ездить на экипажах. Один вице-король имеет право развезжать на паре маленьких пони в крошечной колясочке; все же прочие смертные обязаны довольствоваться верховыми лошадьми или паланкинами, даже престарелые. Грузные леди отправляются с визитами и на балы верхом или в носилках. Поэтому, хотя почтовая станция отстоит от занимаемых английской колонией дач, разбросанных, как орлиные гнезда, по вершинам скал на 2000 с лишком футов вниз, нам пришлось отправляться – кому пешком, а кому в *джампане*. Не *могу* проститься с Симлой без того, чтобы не помянуть лихом и не описать этого *джампана*, придуманного, должно быть, инквизиторами. Это отвратительный паланкин, не то *chaise longue*, не то узкая люлька из парусины с четырьмя деревянными лапами, привешенными к двум толстым палкам и делающими ее похожей на привязанную вверх ногами лягушку. Взвалив это англо-китайское изобретение с обреченным на пытку седоком на плечи, от четырех до шести мускулистых здоровых *пагари* (племя горцев) начинают шагать вразброд, потрясая ношей словно кулем муки. Жертва, раз втиснутая в сиденье и плотно обтягиваемая парусиной люльки-лягушки, делается на все время перехода буквально беспомощною. *Пагари* (или *пахари*) кроме собственного, неизвестного остальному миру горского диалекта, ничего не понимают: кричи не кричи, для них все одно. Бесперывно перемещая с одного плеча на другое оглобли носилок, они встряхивают при этом люлькой, подбрасывают ее во все стороны, размахивая ею и словно угрожая ежеминутно вышвырнуть живую клажу в зияющую по обеим сторонам узкой крутой тропы бездну. К довершению этого эстетического удовольствия, вероятно, в надежде на прибавку бакшиша (они получают всего две анны или три пенса в день на человека) носильщики, или «джампани», как их здесь зовут, начинают кряхтеть, стонать, а затем и громко рычать... Не останови их кряхтенья на первых порах, то вскоре весь лес застонет им в ответ. Англичане с ними в разговоры не пускаются а, стегая по голым спинам плетью, правят ими, как настоящими лошадьми. В моем же положении смиренной русской гостьи мне оставалось только молчать и терпеть.

Выплеснутая из адской люльки на пыльный двор станции, отряхнувшись, я присоединилась к партии знакомых, также оставивших в то утро Симлу. Здесь нас ожидала другая, не менее адская машина, изобретенная для горных путешествий. Почтовая дорога из Симлы в Кальку (57 миль) до того узка и извилиста, спуски столь круты, что еще три года назад не было другого средства ездить по старой дороге как верхом или на слонах. Но теперь построили новую, хотя и не лучшую, но более широкую дорогу. По ней, проскальзывая между иду-

⁵ Панак был основателем сикхизма.

⁶ Арии – последователи религиозного реформатора Свами, соперника знаменитого Чендер Сана пророка Бенгалии. Оба покрыли Индию *самаджами* (братскими общинами).

⁷ Диодор – гималайский кедр.

щими навстречу верблюдами и слонами, летит с быстротой молнии так называемая *тонга*. Это двухколесный экипаж, в котором двое сидят спинами к лошадям и, упираясь коленями в собственный подборок, а третий, ямщик, висит на лошадиных хвостах. В такой скорлупе, конечно, нет места для поклажи; поэтому, как я сказала, багаж заранее отправляют в долину. Вследствие постоянно осыпающихся стен от взорванных минами скал и какого-то особенного испепеляющегося в мельчайший порошок грунта дорога до того пыльна, что плотно облегающих глаза зеленых выпуклых очков и двойной вуали еле достаточно, чтобы не ослепнуть навеки, за эти несколько часов езды. Подымаясь шесть недель ранее на высоты Симлы, мы благоразумно выбрали «старую дорогу» в предпочтение новой или так называемой «Тибетской большой дороге», и были вполне награждены за три лишних дня путешествия. Но теперь мы спешили, и другого выбора нам не предстояло, разве ехать в закрытой арбе на волах...

Нас было тринадцать, а мест в шести тонгах всего на 12 пассажиров; и «чертова дюжина» действительно взяла свое. Кое-как рассадив прочих, мы втиснули трех худощавых англичан в шестую тонгу: на мою долю достался самый длинный из них, и его ноги, как он ни старался завивать их кренделем, постоянно торчали над задком экипажа. Наконец мы тронулись и полетели с одуряющею быстротой под гору... с первого же толчка я провалилась в нижний ящик сиденья, откуда уж и не вылезала до самой станции, всю дорогу проклиная тонгу.

Прощай, дорогая, вечнозеленая Симла!.. Чудный уголок, райское гнездышко, упавшее словно с неба среди дубрав Гималайских; прохладный Эдем, витающий над пеклом долин Индостана, прощай!.. Долго не видать мне твоих громадных сосен, елей, кедров, на кудрявых верхушках которых отдыхают гонимые ветром облака и подножие коих окутано целым лесом гигантского рододендрона... Вот вддали мелькнула большая гора, покрытая этим великаном-растением. Облитые горячими лучами утреннего солнца их ярко-пунцовые гроздья горят, словно повисшие на них птицы. Среди них белеет *Петергоф*, вице-королевская резиденция, а за горой виднеется длинный хребет снежных колоссов, один из средних рядов ступеней Гималаев. В последний раз пахнуло нам в лицо столь знакомым прохладным запахом сосны и тмина... Еще несколько поворотов, и мы очутились в непроницаемом облаке пыли. Оно упало тяжелою, удушливой завесой между нами и Симлой...

Англичане чрезвычайно гордятся своею «Тибетскою» дорогой, воображая, быть может, что она и на самом деле поведет их когда-нибудь в Тибет, и называют ее образчиком инженерного искусства. Приходя в восторг при виде гранитных мостиков, перекинутых через горные потоки своих *sanitarium'ов*,⁸ торчащих на разных холмах, они уверяют, что ничто не может сравниться с математическою точностью линий карниза дороги, извивающейся пыльной лентой вокруг зеленых холмов. Один из мостков, впрочем, уже провалился под каким-то спешившим в Симлу сановником, убив невинного ямщика (судьба оставила сановника целым). Мой спутник страшно надоедал мне своими непрерывными восклицаниями восторга, и очень по-видимому озлобился на меня, когда увлекаемая, сознаюсь, более невыносимой тряской, нежели врожденным чистосердечием, я объявила ему из глубины своего ящика, что, откровенно говоря, его «Тибетская» дорога и в подметки-то не годится нашей «Военно-Грузинской» на Кавказе.

На расстоянии 57 миль мы переменили девять раз лошадей. На каждой станции эти оборванные клячи, предварительно вступив в бой с верблюдами, брыкались, угрожая сломать задние ноги о наши спины, а я снова и неминуемо проваливалась в свой ящик, и так до новой станции! От Симлы до Кальки по прямой линии не более 12 миль; а по извивающейся во все стороны, обвивающей каждый холм, словно лента на тирольской шляпе, дороге – 57 миль, как уже сказано. Можно же себе представить, сколько тонга делает поворотов и какие при быстроте

---

⁸ Санитариумами здесь называют военные поселения для госпиталей, выбирая для этого самые здоровые местности на горах. Симла считается лучшим санитарием в Индии.

такой езды необходимы предосторожности, чтобы не наткнуться при каждом новом изгибе на вереницу верблюдов или не въехать в кучу слонов. Во избежание подобной катастрофы, ямщики каждые две-три минуты трубят. Какофония уныло повторяется окрестным эхом и еле успевают замереть, как раздаётся новая, услышав которую верблюды и слоны сторонятся заранее. Движение тонги было столь быстро, а сидение так низко от земли, что при одном из сильных толчков мой спутник, окружённый облаком пыли, вдруг словно волшебством исчез из моих глаз, очутившись среди дороги под хоботом у проходящего слона. По словам его, он заметил себя в этом непредвиденном положении только тогда, когда обронившая его тонга находилась уже почти за милю от него, а умный слон, приподняв его хоботом, подбросил к себе за ухо, чтобы не раздавить. Подобрал бедного бритта, мне хотелось у него спросить, включает ли он и тонгу в число существенных доказательств величия его родины вообще, и превосходства ее произведений над всеми произведениями остальных в мире стран, в частности? Но плачевный вид грязного лица и разорванное пальто сменили мой гнев на милость, и я, как добрый самаритянин, предложила ему носовой платок для очистки физиономии.

Промчавшись со скоростью локомотива мимо Кири-Гата, большого замка на скале, вроде феодальных руин на Рейне, каких здесь множество, мы крутились по быстрому спуску вокруг горы. Раз пятнадцать древний замок то исчезал из виду, то снова являлся. А вот и знаменитый замок магараджи *Путьяллы*, горная резиденция вековой династии, последний представитель коей в настоящую минуту семилетний ребенок; а затем Солон, санитарий, ныне переполненный злополучными жертвами беконсфильдовской политики. Изувеченные на «ученой границе» Афганистана, они теперь переваривают полученный урок на более спокойной территории Раджи Бахотского, на владениях коего построены английские бараки и госпиталь. Эти любезные гости составляют далеко не приятную прибавку к народонаселению его светлости... Но злосчастный принц молчит и утешается разведением чая, как древний Цинциннати, который, впрочем, разводил не чай, а капусту, или нечто в этом роде. В Солоне при гласе трубном нас вышвырнули прямо на веранду *дак-бунгало*, попросту, почтового дома, где мы тотчас же приступили к завтраку, поданному по англо-индийскому неизменному шаблону: бараньи ребра из какой-то гуттаперчи и сухой рис наполовину с землей, сопровождаемый убийственным *карри*.⁹ Наскоро законопатив рисом трещины, произведенные в наших желудках тряской, мы втиснулись в наши тонги и помчались далее. Опять перепряжка, верблюды, брыканье и облака пыли... После четырех часов тряски – Дхурумпур на скате Куссовли... Сосны и ели тут встречаются все реже и реже, исчезают и величественные кедры, заменяясь вечным кактусом, темнолиственным манго, раскидистым нипалом и, наконец, пальмой. Тропическая растительность входит в свои права и в Кальке уже совершенно заменяет северную...

Городок Калька, 2400 футов над уровнем моря, стало быть, на 6000 футов ниже Симлы, состоит из двух десятков домов, телеграфной станции и двух отелей. В прежние годы, до занятия англичанами Пенджаба, то была деревня у ворот поместья, принадлежащего магарадже Путьяллы; поместья, знаменитого своим великолепным парком. Сады Пинджора, обрамленные высотами Севаликского хребта, и теперь посещаются многими туристами. Разбитые еще при императоре Акбаре одним из его владительных науабов, эти сады, составляющие целый парк, считаются самым великолепным местом в северной Индии, не исключая даже Шалимарского сада в Лахоре, где Рунджим-Синг держал дурбары во время своего царствования и где они назначаются и теперь для вице-королей.

К великому счастью моему вместо тонги нам дали на другое утро четырехколесную широкую *дак-гари* (почтовую карету). До Умбалы, где мы, наконец, добрались до железной дороги, путь довольно отлогий, и за исключением нескольких переправ через бурные и опас-

⁹ *Карри* – соус из всевозможных пряностей, главное в нем красный перец; туземцы глотают ложками то, чего европеец не мог бы и попробовать, не рискуя задохнуться.

ные, но осенью засыхающие потоки, – широкий и ровный. Почтовая карета есть выкрашенный четырехугольный ящик на четырех колесах, без сиденья. На полу такого ящика настиляется постель проезжего, а коли таковой не имеется, то путешественник остается на грязных досках. Трясет она не хуже телеги, а в нашей карете вдобавок к собственным ее прелестям мы нашли гнездо скорпионов: почтенную родительницу с двумя дюжинами скорпионят на спине, отца, снох и прочих членов семейства. Я чуть было на них не села. Ямщик *джаин* упрашивал меня не предавать их лютой смерти. У него, видите ли, умерло несколько детей в этот год, и кто знает! Быть может, они все трансмигрировали в это интересное семейство... В пропорцию с родными горами, скорпионы имели по полтора и по два вершка в длину, и нам пришлось ждать, пока набожный джаин, осторожно загребая их на пальмовый лист, не перенес их всех на опушку леса... Приехав в Умбалу, отстоящую всего на 38 миль от Кальки, в полдень, нам чуть не сделалось дурно от жары. Тридцать градусов в тени в конце октября!

Умбала – столица куска британской территории, отнятой англичанами под каким-то предлогом от страны, называемой Сирхиндом и принадлежащей владельцам Пустьяллы. Это большой укрепленный город, с крепостью на северо-восточной стороне его и с лагерем, расположенным у подножия крепости. Укрываясь от зноя в темной комнате, мы ничего не видали, да и нечего было осматривать. Вечером мы сели в вагон и на другое утро проснулись в Амритсаре.

Весь дебаркадер был полон арийцами и сикхами, пришедшими встречать «братьев американцев» с должными *намасте*.¹⁰ Их было человек двести. Странное и живописное зрелище представляла эта почтенная гвардия, которой позавидовал бы не один из маленьких немецких князьков. Гвардия, обезоруженная, правда, но в таких невиданных фантастических и богатых костюмах, что можно было залюбоваться на нее и не одному артисту. Что за молодцы, эти бравые сикхи! Колоссы, кажущиеся еще огромнее от необъятных белоснежных тюрбанов (точно свалившаяся с Гималаев снежная глыба), покрывающих их длинные густые волосы и коричневые лица, которые несравненно бледнее, впрочем, лиц центральной, а особенно южной Индии. Здесь вы не увидите голой натуры, прикрытой вершком грязного миткала вместо виноградного листка, даже на самом бедном кули. Пенджабцы носят белые панталоны в обтяжку вроде трико; богатые – дорогие кисейные и вышитые рубашки поверх панталон; бедные – простые миткалевые. Первые отличаются шитыми золотом и разноцветными шелками, кашемировыми, парчовыми и глазетовыми кафтанами, часто на дорогих мехах; но все, богатые, как и бедные, украшены необъятными и самого разнообразного вида тюрбанами. У иных до ста аршин кисеи на голове!

У дебаркадера мы нашли ожидавшую нас прекрасную коляску; и вот, сопровождаемые этою пестрой ватагой, под перестрелкой насмешливых взглядов знакомых по Симле англичан, мы поехали в приготовленный для нашего приема загородный дом, принадлежащий президенту местной Арья-Самадж Мульрадж-Сингу, очень богатому сикху.

Дом этот – обширная прекрасная дача среди тенистого большого сада, меблированная совершенно по-европейски и со всем современным комфортом. Еле успев переменить платье и очиститься от дороги и даже не успев закусить, нам пришлось тут же, неожиданно и нежданно, держать свой дурбар. В это одно утро и до пяти вечера мы познакомились с большим числом национальностей, рас, сект и разношерстных религиозных корпораций, нежели за последние полтора года, проведенные нами в Южной и Центральной Индии. Пенджабы, индусы из Бенареса, сикхи, джатты, раджпуты, патаны, гурки, кашмирцы приходили и уходили целыми вереницами. Сложив руки ладонями на груди, затем на лбу, они кланялись и тихо садились полукругом на ковре перед нашими двумя креслами. Каждая из этих пестрых живых гирлянд

---

¹⁰ *Намасте* – санскритское приветствие, введенное современными реформаторами вместо мусульманского обычного «салам».

устремляла на нас почтительно любопытный взор и в глубоком молчании ожидала первого вопроса... После первого (к какой школе философии или секте каждый из них принадлежал) тотчас же начинался общий разговор о метафизических предметах. С любопытством слушали они нашу, часто смущенную, критику на их невообразимо странные, всегда самые неожиданные парадоксальные выводы. Чаще всего нам приходилось признавать себя побежденными и ретироваться.

Страсть к мистическому самоуглублению и метафизическим мечтаниям – самая общая черта индусов от Гималаев до Кумари. Что бы он ни делал, к какому бы сословию он ни принадлежал, как только у индуса появляется свободная минута, он садится на корточки и погружается в мечтание, или, скорее, в самозерцание; а в случае, если есть собеседник под рукой – в метафизический диспут. Но да не подумает читатель, что эта религиозность опирается на догматы или вытекает из какой-либо из установленных сект и школ. И те, и другие служат мечтателям лишь канвой, по которой каждый из них вышивает в продолжение целой жизни самые фантастические узоры. Выпуская постепенно из неведомой глубины органов мышления тонкую паутину собственных умозаключений о самых трудных, неразрешимых мировых вопросах, они, наконец, так опутывают себя этою самотканною сетью, что, будучи не в состоянии вылезти из нее, только жужжат в ней, как пойманная муха. У них есть почти всегда *гуру*, духовный учитель, выбранный из таких же опутанных самодельною паутиной мух, как и сам он, только старше и учение его. И первый будет молиться на второго до его смерти; а после смерти отдаст ему все последние почести: по всем правилам касты сожжет тело учителя, похоронит пепел где-нибудь у себя в саду, и утром и вечером станет разговаривать со своим гуру, сперва мысленно, под влиянием мистического чувства, а затем и громко, излагая свою новую систему. Возле него станут собираться соседи, сядут на корточки и будут слушать. Затем мало-помалу припишутся к его школе и станут по вечерам вместе впадать в религиозный экстаз. Страсть к богословским диспутам породила и продолжает порождать бесчисленные секты, школы и религиозные братства, особенно последние. Отчасти способствуют этому и протестантские миссионеры, особенно американские. Проводя большую часть времени на площадях и базарах, эти ревностные, но далеко не образованные просветители язычества, не теряют случая вступить в полемику, но редко удачно. Под перекрестным огнем вопросов о хронологии мира, о мироздании, об отношении божества к смертным и особенно о будущности и существовании души человеческой, не будучи в состоянии бороться со своею упитанною метафизическою мудростью аудиторией, миссионеры начинают постепенно терять терпение, а под конец обыкновенно раздражаются бранью над местными богами и угрозами пекла. За этим иногда идут жалобы в суд, но обыкновенно новый импульс – соединиться против общего врага: *надри*, и вследствие этого новое языческое братство...

В день нашего приезда мы заседали на нашем дурбаре до пяти часов вечера. Огромные деревья тенистого сада не допускали смиренных лучей октябрьского солнца слишком беспокоить нас, но зато целые стаи блестящих попугаев, бесстрашно влетающих и вылетающих через открытые двери веранды, оглушали нас трескотней своих, далеко не метафизических, птичьих криков. Наконец, последняя вереница мистиков удалилась, попугаи стали прятаться в тенистой листве манго, а мы отправились к Золотому Храму, на озеро Бессмертия.

Глава 2

Сикхизм и цари-гуру. – Посещение Золотого Храма. – Чудоявленный фонтан. – Мы делаемся «бессмертными». – Базар Амритсы и сетования его жителей. – Мнение англичан о господстве англичан. – Черный город и кантонементы. – Иллюминация девалли. – 92 кука, выпаленных из пушки.

Имя *Амритсар* происходит от санскритских слов: *А* – частица отрицания, *мрит* – смерть и *сар* – источник, в целом – «источник бессмертия». Имя это дано сначала не городу, а *талао*, или озеру, посреди хрустальных вод которого, как бы вечно любуясь собственным отражением, возвышается Золотой Храм, выстроенный Рам-Дассом, четвертым *гуру* или царем-учителем сикхов в 1581 году. Начиная от Нанака, основателя сикхизма, таких царей-гуру (Раджа-гуру) у них было десять. Секта, основанная учителем при помощи полудюжины учеников-апостолов в XVI столетии, окрепла и разрослась. В XIX – она явилась англичанам разбросанною от Деллы до Пешавера и от песчаных пустынь Синда до Каракорумских гор, далеко за Кашмиром. История Сикхского царства, о котором так мало известно в Европе, что падение его в 1849 году почти не остановило на себе внимания печати, весьма интересна и может быть бегло обрисована в нескольких словах: безустанная борьба с могущественными в те времена моголами в Индии, борьба не на живот, а на смерть, где против одного сикха было десять мусульман. Так длилось, с небольшими промежутками, до первой половины настоящего столетия, когда англичане помирили и моголов и сикхов, приготовив им одну и ту же участь: сделаться английскими вассалами. Преемником основателя сикхизма явился некто Унгуд, учением которого, со слов Нанака, начинается *Гранфа*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.